

АЛЕКСЕЙ КАЛИНИН

Святая
ВЕДЬМА

18+

Алексей Калинин
Святая ведьма

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Калинин А. В.

Святая ведьма / А. В. Калинин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Колдовской мир раздавлен тяжелым сапогом Святой Инквизиции. Красивым ведьмам предложен выбор – согреть постель инквизитора или сгореть на костре. Людмила выбрала первое. Но девушкой движет не только желание выжить – жажда мести сжигает сильнее очищающего огня. Шепотом передается древнее предсказание о Святой ведьме, в чьих силах бросить вызов инквизиции и изменить существующий порядок. Но если женщина встретит истинную любовь, то изменение грозит привести к непредсказуемым последствиям. И по всем срокам - она должна вот-вот появиться...

© Калинин А. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Я есть суд	6
Плеть Калиматры	10
Посещение	15
Фердинанд	19
«Абатисса Варвара»	25
Пояс Ларинджины	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

В оформлении обложки использована фотография автора [Menelwena](#) «IRONIKA»
с <http://menelwena.tumblr.com/post/134589181558>

Я есть суд

Большой половой орган постукивает женщину по лицу. Красный, перевитый венами. А сам обладатель этого сокровища мирно беседует со своими подчиненными, которые видят его по видеосвязи. Видят только сверху, то есть деловой костюм, безупречный галстук и обязательный треугольник с крупными рубинами. А то, что гладко выбритый мешочек болтается возле женского носа... это зрелище доступно исключительно женщине-секретарю. Агрегат продолжает шлепать. Так может постукивать человек, который взял в руки карандаш и мерно отмеряет время.

– Я рад, что мы закончили с обсуждением миртового похода. Так же рад, что двести пятьдесят скрывающихся ведьм и колдунов нашли свой конец. Но из результатов похода вытекает следующий вопрос. Как вы знаете, в последнее время у нас было очень много расходов на магическую силу, что не очень хорошо сказывается на заложенном бюджете. Пора бы рассмотреть вопрос о максимальном сокращении издержек. И я хочу, чтобы каждый из вас подготовил мне отчет о возможных вариантах уменьшения расходов в разрезе ваших отделов. Я знаю, что экономить в принципе-то не на чем, но пояса требуют большей утяжки.

Его орудие также методично продолжает шлепаться на лоб. Женщина невольно каждый раз закрывает глаза. Уже имеет печальный опыт, когда сперма попала в глаз и потом замучилась отмывать и закапывать «Визин». «Шарики» продолжают колыхаться, словно бубенчики на свадебной тройке. Только что не позвякивают...

– Павел Геннадьевич, храмники и так ворчат, что идет урезание средств. Говорят, что скоро в туалетах будут пальцем вытираться, так как бумаги не хватает.

О! Это Григорий Ильич, командир элитных бойцов. Хороший мужчина, по крайней мере к секретарше всегда обращается вежливо и ни разу не было, чтобы не отпустил комплимент. Он тоже из Святой инквизиции, но не такой, как остальные. Гораздо добрее... Женщина лизнула гладко выбритую кожу. Мясистый агрегат шлепает чуть сильнее – понятно, нельзя отвлекать. Секретарь терпеливо ждет окончания совещания.

И кто ждет? Двадцатипятилетняя женщина модельной внешности с красным дипломом финансовой академии. Что она делает под столом? Глупый вопрос – получает членом по лбу. Наказание такое. За неправильно сделанный отчет. Такова участь ведьм в этом мерзком мире и не дай Бог родиться с колдовскими способностями и иметь глупость показать их кому-либо. Секретарь имела такую глупость и теперь носит клеймо на щеке.

Большая буква «В». Ведьма...

Однако, она слышит усталые нотки в голосе начальника, а это означает только одно – скоро совещание закончится и придет её очередь. Надо опустить пальчики вниз и приласкать себя, чтобы быть готовой к завершению совещания. Чуть-чуть из тюбика-лубликанта на палец.

Шлеп, шлеп, шлеп...

– Григорий, я понимаю тяжелое положение людей, которые не могут обойтись без туалетной бумаги. Как выход, можно нарезать из использованной А4 листочки и сложить в лоток. А что? В деревнях так до сих пор делают. Ладно, шутки шутками, но попроси их потерпеть. Властительный Иорданий обещал в скором времени выдать хорошую премию за найденных.

– Попросить-то я могу, но вот согласятся ли. Среди них и так ходят разговоры о смене работы.

– Пусть ходят. Мы мониторим рынок труда и пока что у нас наиболее подходящие условия. Все храмники в других владениях получают гораздо меньше, а уж об отношении к ним вообще молчу, – раздается сверху и мясная дубинка сильнее бьет по коже, словно ставит точку.

Женщина морщится и чуть отшатывается, сдерживает рвотные позывы.

– Ладно, что-нибудь придумаем, – слышатся один за другим голоса.

– Вот и хорошо. Сейчас трудное время, и нам важно удержаться наплаву. Так что объясните всем, а не только храмникам, что можно походить с грязной жопой, но с деньгами в кошельке, чем с чистой задницей, но с пустыми карманами.

Мурашки бегают по коже. Палец с безукоризненным маникюром скользит по влажным половым губам. Великий инквизитор продолжает похлопывать по точке над переносицей. Ещё немного и у на лбу выскочит шишка. То есть не та шишка, которая шлепает сейчас, а другая, гематомой которую называют.

– На этом я предлагаю наше совещание закончить. Со своей стороны, я обещаю подумать, как сократить расходы и выжать хотя бы самую маленькую копеечку, чтобы было чем «Бентли» заправлять. Надеюсь, что и вы за неделю сможете составить предложения и вынести их на следующем собрании. Всего доброго. До свидания.

Сверху слышится нестройный хор прощающихся мужчин, среди них прозвучали голоса двух женщин – главного бухгалтера и начальницы отдела безопасности. Двух гримз, на которых без слез не взглянешь. Мужикобабы – так их называют за глаза. Они не носят клейм, но женщина под столом уверена, что они тоже ведьмы. Но они наверху, а секретарь... А секретарь уже готова к дальнейшей «выволочке» за нечаянную погрешность в Экселе.

– Людочка, вы успели записать наш разговор? – под стол заглядывает верховный инквизитор, Павел Геннадьевич.

Моложавое лицо сорокалетнего мужчины благодушно улыбается. Безукоризненный пробор черных волос, сквозь которые видны седые нити, мягко качается над двумя продольными морщинами. Лицо гладко выбрито и уже готово влезть на обложку для журнала «Форбс». Самец, который управляет огромным концерном. Самец, по малейшему мановению пальца которого сгорают колдуны и ведьмы.

– Нет, Павел Геннадьевич, я была занята другим делом, – женщина показывает пальцы, как они блестят от клейковатой влаги.

– Эх, Людочка-Людочка, вам хоть кол на голове чеши, а вы всё обо одном думаете. Вылезайте, – он протягивает руку, и секретарь, словно нечаянно, мажет по ладони влажными пальцами.

Верховный инквизитор не отдергивает руку, смотрит на блестящий след и улыбается.

– Спасибо, Павел Геннадьевич. Я могу идти? – Люда как можно невиннее спрашивает у мужчины, который тоже поднимается и теперь встает рядом. Напрягшийся агрегат указательной стрелкой показывает на выход.

– Нет, Людочка, мне ещё нужно подписать необходимые документы. Помогите, пожалуйста. На столе мне писать несподручно, поэтому будьте любезны, наклонитесь немного.

Крепкие руки поворачивают её на сто восемьдесят градусов и давят на плечи. Женщина нависает над гладкой поверхностью стола, чуть прогибается в спине, когда чувствует, как жадные руки рвут вниз кружевные трусики. Вот-вот должна произойти «выволочка». Возможно, именно поэтому и совершила невинную ошибку. Исправить её дело пяти минут, но тогда пропадает вся прелесть от «выволочки».

А женщине нужно, чтобы инквизитор как можно больше к ней привык...

По коже бегут мурашки, когда юбка поднимается и оказывается закинутой на спину. Люда чувствует жар от большого предмета, который неторопливо покачивается в нескольких сантиметрах от горячего влажного углубления. На спину шлепается стопка бумаги.

Он и в самом деле собирается их подписывать?

– Людочка, приблизьтесь чуть-чуть. Вот, ещё немного.

– Павел Геннадьевич, может, не надо? – с придыханием спрашивает женщина.

Именно этот вопрос заводит его больше всего. Мужчине надо иногда дать понять, что он не просто берет податливое тело, а завоевывает его, побеждает женское сопротивление. Мужчина должен ощутить победу на вкус, тогда и оргазм будет слаще...

– Ну как же не надо? Надо, Люда. Надо! – с последним словом он резким толчком входит в женщину.

Руки, обхватившие за таз, помогают толчку, и кажется, что он заполняет горячее лоно полностью. Люда вздрогнула, как вздрагивает бабочка, когда опытный энтомолог прищипливает её огромной иглой к картонке. Лишь огромным усилием удается удержаться на подгибающихся руках. Боль от проникновения инородного тела тут же сменяется едва уловимым удовольствием.

Нельзя! Нельзя получать удовольствие! Ногти впиваются в ладонь, а зубы прикусывают верхнюю губу.

Верховный инквизитор замирает и... подписывает на женской спине бумагу.

– Вот, это нужно будет передать в бухгалтерию. Эх, если бы бухгалтерша не была такой страшной, я бы её тоже... – начальник несколько раз двигает тазом, показывая, чтобы он сделал с Маргаритой Ивановной.

Похоже, он думает, что секретарь не очень хорошо это поняла, выходит полностью и снова загоняет огромный агрегат в её влажную полость. Раз, два, три... Замирает...

Раздается чирканье зажигалки и ноздрей женщины касается легкий запах ладана. На спине, чуть пониже ложбинок возникает тепло, затем оно усиливается нажатием, и бумага с сургучовой печатью ложится на стол.

Первая бумага, а на спине их стопка.

Монолог, подпись, толчки, печать... Именно так, и не иначе. Он наслаждается своей властью надо женщиной. Люда старается расслабиться и помнит – зачем она здесь. Старается приспособиться к темпу, но темпа не было.

Монолог, подпись, толчки, печать...

Я здесь не просто так.

Монолог, подпись, толчки, печать...

Я здесь ради мести.

Монолог, подпись, толчки, печать...

Перед глазами встают горящие родители. Их крики режут уши, а взгляд матери устремлен на меня...

Монолог, подпись, толчки, печать...

Яркие языки пламени жадно пожирают их одежду. Гул костра напоминает тракторный рев. Запах горелой кожи мешается с дымом и вызывает слезы...

Монолог, подпись, толчки, печать...

Люде тогда было три годика, и почти каждую ночь ей снится этот эпизод. Она боится ложиться спать, но образы встают перед глазами. Родители зывают к ней и требуют отмщенья.

– Ох, как представлю всех жен рабочих, к которым они приходят после работы и вываливают монеты на стол...

Опять подпись, толчки, печать...

– Со мной вы представляете других? – с придыханием говорит Людмила.

Вот тут нужно издать стон. Показать, что мне приятно.

– Людочка, ну что ты, с тобой я представляю весь мир. Весь огромный мир Каурина.

Запах сургуча заполнил кабинет также, как и запах пота. Влажные шлепки убыстряются. Толчков становится больше, а времени на подписание бумаг меньше.

Людмила снова издает стон и ловит себя на мысли, что такой же стон издала мама, когда мягкосердечный солдат проткнул её сердце копьем. Этого солдата потом жестоко наказали, но это было потом. Вряд ли мама стонала от наслаждения, но от облегчения мук – точно.

Толчки усиливаются. Ещё немного, ещё пара листов и будет знакомый возглас. Его инквизиторская фишка. Возглас вырвется вместе с фонтаном белесой влаги. Её не хватило

бы, чтобы затушить те костры, но Людмиле опять покажется, что в неё влили целую бутылку простокваши.

Людмила не видит лица Павла Геннадьевича, но может поклясться темной владычицей Комесой, что на нем возникает тоже самое выражение удовольствия, какое возникло на лице восемнадцатилетнего мальчишки-инквизитора при первом сожжении ведьминогo семейства.

Меня пощадил. Он пощадил. Для себя.

Раздается возглас, и горячая влага влетает в разгоряченное лоно:

– Я! ЕСТЬ! СУД!

Плеть Калиматры

Ступая на мягких лапах, в комнату крадется ночь. Это время ведьм. Время, когда Людмила Огнева может остаться наедине с собой и попрактиковаться в заклинаниях. Самое первое заклинание, которое она освоила – наведение ложного образа на скрытые камеры. А вы что думаете? Если она работает на одного из Высших инквизиторов, то её проверять не будут? Три раза ха! Вот так вот: «ХА-ХА-ХА!»

В этом мире даже в туалет сходить нельзя, чтобы регулирующие органы не записали весь цикл и не проверили на благонадежность процесса. Да-да, если у вас запор, и вы поносите церковь и Бога, в надежде на то, что это облегчит страдание, то не извольте сомневаться – в ближайшее время к вам может постучаться вежливый инквизитор.

А уж если вы секретарь верховного инквизитора, который заведует огромным штатом боевых единиц, то быстро привыкнете, что каждый сантиметр двухкомнатной квартиры будет содержать три камеры и пять микрофонов. Конечно же скрытых и задрапированных, незаметных для обычного глаза. Но не для ведьмы.

Когда Павел Геннадьевич насытился, то спокойно подождал, пока женщина омоет его «жезл всевластия». Затем вернулся к делам, а Людмила отправилась разносить бумаги с печатью. Интимные бумаги. Каждая напоминала о недавнем соитии в кабинете. Между ног болело, всё-таки в следующих раз надо будет использовать больше смазки. Людмила подумала, что вскоре стане смазочной наркоманкой, если будет в таких дозах потреблять прозрачный крем «Шалость».

Трусики так и остались у верховного инквизитора. Он убрал их в нижний ящик, к запретным документам. Говорит, что с помощью трусиков из микрофибры он лечит извечный насморк. Грязный фетишист! Конечно, не оставит же он их на столе, где стоит фотография жены, которую обнимают два розовощеких карапуза. Людмила знает, что инквизитор давно с ней не спит, но дань традиции и выставление напоказ основ семьи принята у высших чинов. Точно такой же деловой аспект, как дежурная улыбка и пожатие руки.

В этот день больше ничего не произошло, если не считать обычного домогательства шофера Павла Геннадьевича. Сашок, мужчина в возрасте, попытался снова напроситься в гости, но Людмила отказала. Максимум, что ему обломилось – пощупать коленку и скользнуть по бедру вниз. Он очень удивился, когда не обнаружил привычную кружевную ткань. Людмила тут же отбросила его руку прочь.

– Опачки, а ты уже приготовилась. Давай-ка перелезем на заднее сиденье, и я тебя как следует оттарабаню.

Это его мечта с тех пор, как он начал отвозить Людмилу домой по приказанию начальника. Пусть так мечтой и останется.

– Сашенька, у меня месячные начались, видишь, даже без белья еду, чтобы ещё сильнее не испачкаться.

– Да ты и в ротелло можешь взять. Я не гордый.

Людмила улыбнулась ему через силу и снова отбросила настырную руку.

Никогда больше не сяду на переднее сиденье. Лучше уж на метро и автобусе...

Хотя, вряд ли лучше – там ездят тысячи таких «Сашков» и каждый не откажется пощупать красивую девушку с большой буквой «В» на щеке.

Но всё это забывается, когда Людмила оказывается дома. Одна. Камеры видят, что она у монитора компьютера смотрит порнушку и мастурбирует. На экране инквизиторы наказывают молоденькую девушку с буквой на щеке. Стараются излиться именно на эту букву. Тематика в этом мире такая. Ведьмы и колдуны – низшее сословие.

Наблюдающие пусть думают, что Людмила смотрит порно – у неё есть полтора часа на изучение нового заклинания.

– Гримадас! Ультарун! Поладор! – выкрикивает заклинание секретарь верховного инквизитора, стоя в центре восьмиугольной пентаграммы.

Микрофоны записывают стоны. Стоны Людмилы и стоны с компьютерных колонок. Пламя трех свечей на вершухах восьмиугольной пентаграммы покачивается. Камеры видят девушку возле монитора, она же стоит в центре комнаты. Линии зеленого мела начинают светиться. Огонек четвертой свечи изгибается вправо. Людмила уже протягивает руки, чтобы на них упало ведьминское оружие, но магия пропадает. Линии гаснут и пламя свечей выравнивается.

Неудача.

Девушку в порнофильме привязывают к кресту в виде буквы «X» и кладут на каменный алтарь. Двое мускулистых инквизиторов похлопывают по тощему телу мясными копьями, которыми их одарила щедрая природа. На мышцах груди покачиваются небольшие треугольники. Мелкие сошки, тупые исполнители, но даже они по иерархии гораздо выше самой могущественной ведьмы. Третий инквизитор привязывает ноги девушки к концам перепялин. Привязывает так, чтобы открылось сокровенное место, откуда появляется человеческая жизнь. Девушка пока делает вид, что ей приятно, она не догадывается, что будет дальше...

А дальше Людмила делает голос чуть тоньше и тянет гласные так, будто кричит знакомым на другой берег горной речки:

– Гримадас! Ультарун! Поладор!

На этот раз качается пламя шести свечей. В воздухе возникает сияние, оно такое же зеленое, как свечение линий на полу. Людмила протягивает руки, но снова сияние пропадает. Девушка едва не чертыхнулась, но вовремя спохватилась, что не нужно призывать посторонние силы, которые могут умыкнуть оружие. Опять неудача. Девушка смотрит на часы – ещё есть время на последнюю попытку.

Двое инквизиторов на экране пытаются запихнуть свои копья в маленький ротик девушки. Первые капельки слез появляются на глазах «актрисы». Третий мужчина устраивается между стройных ног, и камера делает наезд, чтобы показать, как он погружается, выныривает полностью и снова погружается. Скоро там побывают все.

– Гримадас! Ультарун! Поладор! – кричит Людмила фальцетом.

Пламя свечей взлетает до уровня плеч, зеленое сияние от пентаграммы стремится ослепить, но Людмила прищуривается и видит, как среди яркого света появляется рукоять. Быстрее дернуть! Старинное оружие ведьм шлепается на ладони. Из света за плетью высовывается сиреневое щупальце, но Людмила настороже! Со всей силы втыкает обсидиановый кинжал в вязкую массу и...

И с экрана стонет девушка с буквой «В» на щеке. В неё тоже втыкают. Трое. Одновременно, с оттяжкой и задержкой.

Раздается рев, и щупальце отдергивается. Сияние пропадает. Плеть Калиматры оказывается в руках ведьмы. Есть! Это древний артефакт, тот самый, которым хлестали первую ведьму у позорного столба. И Плеть у Людмилы. Необходимо навести заклинание невидимости и положить на книжную полочку! Даже после падения чар, артефакты не будут видны для камер. А Людмиле завтра предстоит научиться ею владеть.

Опять придется ставить этот фильм, где девушку, обляпанную белыми потеками, привязывают к столбу. Она кричит, она уже всё поняла. Для камер оргазм наступает Людмилу именно в момент поднесения факела к подножию треугольника. Три инквизитора, с опавшими копьями, возносят хвалу небесам и просят исправить душу заблудшей овцы с буквой «В» на румянце щеки.

– Твари, я вам всем покажу! – вырывается у Людмилы, когда девушка без сознания повисает на медной проволоке.

Камеры видят, как Людмила обмякает на кресле, после встает и идет в ванную комнату. Потом молитва и сон. Сон, где её ждут глаза родителей.

Они зывают к отмщению...

Зывают, как зывали двадцать два года. Ночь – это время ведьм? Враки! Ночь, это время мучений для Людмилы. Время, когда творятся страшные дела, которые потом приходят во снах и не дают покоя. И сейчас снова приходят воспоминания...

– Милая, вот это разрыв-трава, она может разбить любой замок. Сперва высуши её, пропитай лунным светом, вынеси на перекрестье четырех дорог и подставь под луч Утренней звезды. Разрыв-трава разобьет любые замки, любые оковы и наручи. С помощью этой травы убийцы и воры могут проникать в самые защищенные крепости и вскрывать самые сложные замки. Поэтому и ценится эта трава, которая прошла обработку истинной ведьмы. У остального же люда она называется осокой, – рассказывала мама, пока они шли по болотистому берегу лесного озера.

– Мама, а «Филатики»? Их можно куда-нибудь использовать? – показывала маленькая Людочка на пушистые верхушки камышей.

– Да, но это временная мера для поддержки колдовства. Отрываешь колкую макушку, надеваешь резиновый плащ и... Ладно, поговорим об этом позже, когда чуть подрастешь. Однако помни, дочка, что без мужского семени ведьминская сила пропадет. У меня есть папа, а у тебя тоже будет любимый мужчина, – улыбалась мама.

Людочка попыталась что-то ответить, но в этот миг прозвенел звонок будильника. «Пора на работу!» – кричал смартфон. – «Пора идти за очередной дозой унижения!»

Сегодня не приснилось сожжение, что не могло не радовать. Людмила может считать себя даже выпавшейся, и на работу собирается гораздо легче. Греет мысль о том, что после трудового дня она сможет потренироваться с Плетью Калиматры. Собрать вещи великих ведьм и выступить с ними против существующего строя – вот самая главная её мечта. Она рождена стать самой могущественной из ведьм из предсказания. То предсказание передается из уст в уста под покровом ночи и в самом глухом месте.

«Однажды родится та, которая соберет волшебные артефакты и растопчет тысячелетнее угнетение. Тогда воцарится над Каурином эпоха расцвета, где колдуны и ведьмы не будут прятаться по закоулкам или влачить рабское существование. Человечество встанет рядом с магическим людом и начнется Золотая Эра».

Это предсказание выкрикнула отрубленная голова последней из властительниц ведьм, когда её представили перед глазами верховного трибунала. Все верховные инквизиторы в тот день сошли с ума и закончили свои дни в глухих стенах Триустона – дома для умалишенных. Голова же ведьмы разлетелась в пепел и свежий ветерок вынес серую тучку вон.

Людмила однажды проснулась с мыслью, что сможет отомстить за свои страдания и века страданий ведьм и колдуний. Даже не с мыслью, а с твердой уверенностью. Это была великая мечта. И ради неё Людмила готова терпеть унижения.

Великий инквизитор был занят более важными делами – приближался месячный отчет. Наместнику Бога на Земле сдавались результаты работы, и Павел Геннадьевич старался выдать улучшения из всех структур, которые ему подчинялись. Корреспонденция в десять и четыре часа. Кофе в одиннадцать и в три. Людмила скользит неслышимой тенью, легким силуэтом. Силуэтом, который можно трахнуть... Но скоро это закончится.

День прошел на удивление спокойно, даже Сашок почти не приставал. Возможно, он злился на вчерашний отказ. Но черт с ним, Людмила этому лишь рада. Больше времени для тренировок, меньше раздражения и потери нервов.

Сумерки вновь касаются занавесок, и Людмила произносит заклинание наведения образа. Пора! Сегодня она испытает плеть, которая испила кровь первой ведьмы. Сегодня Плеть Калиматры должна ей подчиниться!

Фильм начинает своё развитие, а Людмила снимает с Плетей чары невидимости и подносит её к глазам. По черной рукояти струятся вырезанные иероглифы. Они непонятны, непохожи ни на один из языков, которые раньше встречались. Рукоять удобно ложится в ладонь, а черное переплетение ремней шевелится, как живое. Оно словно дышит, отклоняясь от висящей оси, оно трепещет, когда касается девичей кожи, оно жаждет крови.

– Ххха! – плеть описывает над головой черный круг и сносит голову фарфоровому словнику, который стоит на телевизоре.

Срез получается настолько чистый, что Людмила даже посмотрела на конец плетеных ремней – нет ли там лезвия. Нет. Лезвия нет. Всего лишь треугольник. Небольшой, ржавый треугольник, с вечной коркой запекшейся крови.

Великолепно, а дотянется ли плеть до конца комнаты? Людмила примеряется к высокой драцене... Хлесь! Отросток с пышной пальмовой кроной слетает вниз. Словно срезано лазером. Плетеная косичка с треугольником на конце приобретает привычный вид. Хм, чудесно. Ещё бы её испытать на природе, вот тогда бы Людмила развернулась.

Что там на экране? Ведьму только начали привязывать? Тогда есть ещё время. Ведьма снимает чары невидимости с артефактов и начинает примерять на себя.

Наручи Зифильды, датской ведьмы, которая отравила семнадцатого Папу римского, приходятся девушке впору. Садятся, как влитые. Красивые, ковкая медная окантовка напоминает переплетенных змей. Они придают силу. Шикарная вещь. Да уж, шикарная. За них Людмиле пришлось переспать с демоном Кричинских предгорий, до сих пор побаливает пятая точка. Гребаный извращенец. Вот ни капельки не жалко было натравить на него святых очистителей, спецотряд по борьбе с нечистью. Зато наручи Зифильды пропали из поля зрения инквизиторов. Демон сгорел, а вместе с ним сгорела тайна новой владелицы.

Сапоги старого Круатоса. Великий убийца инквизиторов, на его счету сотни святых душ. Он быстро подлетал, проводил мечом по горлу и тут же исчезал. На вид неказистые и замызганные, но с их помощью гонцы обегали полмира всего за сутки. Надо будет поставить новые стельки, а то гвоздики впиваются в подошву. Пришлось отдать полпинты крови вампиру Лиарусу. Она всё равно не помогла ему, когда солнце ворвалось в раскопанную гробницу. Ну да, раскопали нехорошие инквизиторы, а Людмила снова чиста.

Обсидиановый кинжал Харунта. Знаменитый колдун делал им надрезы на яремных венах девиц и подвешивал девушек за ноги, набирая кровь в большие баки. В этой подогретой крови он купался по вечерам, думал, что это его обессмертит. В одном из баков его и сварили... Кинжал даровал острый слух и невообразимое обоняние – с ним Людмила могла узнать, что готовится в ресторане для инквизиторов за пять кварталов от её дома. Заодно могла и подслушать разговоры поваров... И не только поваров. Красивый кинжал, украшенный изумрудами, достался мне от лесных эльфов, которых должны были сжечь на рассвете. Они думали, что Людмила поможет им сбежать. Наивные.

По старинной книге Альториса, которая была первой в череде колдовских находок, Людмиле нужен ещё пояс Ларинджины, кольчуга Саурса и щит Мантиры. Если повезет, удастся найти утраченный обруч Затора, то могущественное обмундирование будет в сборе. Людмила станет если не бессмертной, то почти неуязвимой.

Я смогу отомстить за своих родителей. Я...

Мысль прерывает звонок в дверь. Вот же как не вовремя! Кого там ещё принесло? Черт побери, наручи цепляются застежками и не хотят сниматься. Звонок дилинькает громче. Вроде бы это невозможно, но так получилось. Это означает только одно – за стеной находится один из магов, или один из верховных инквизиторов, которые заставляют звон звучать громче.

Наручи срываются вместе с кожей. Вот это оказия! Кровь капает на пол и пара капель падает на плеть Калиматры... Косичка из узких ремней шевельнулась сонной змеей, треугольник приподнимается и «смотрит» на Людмилу... Звонок звучит оглушающе.

Плеть словно спрашивает – можно ли убить стоящего за тонкой перегородкой?

Да что же за гадость?

Ситуацию хуже и придумать нельзя. Плеть Калиматры уже готова броситься в бой, стоит только приказать ей... Если только она признала Людмилу хозяйкой. Она попробовала ведьминской крови, а вот будет ли повиноваться, когда Людмила направит её против инквизитора? То, что за дверями находится именно он, подтвердил прозвучавший голос:

– Людочка, добрый вечер. Я видел, что вы дома. Вы снова допустили ошибку в отчете, и я вынужден был приехать лично, чтобы мы вместе могли её исправить. Я думаю, что за полчаса мы управимся. У вас всё в порядке? Считаю до трех и именем Святой Инквизиции открываю дверь.

По правилам приема Павла Геннадьевича у себя дома, Людмила должна быть одетой в легкий халатик и не иметь под ним ничего. Он же должен сделать секретарю «выволочку» и потом убраться домой, к «любимой жене и милым детишкам». Как же он не вовремя...

Людмила оглядывается на книжную полку – успеет убрать все артефакты и наложить на них заклинание невидимости?

Посещение

Не открывать нельзя – он воспользуется ключом Благочестия и вскрыет квартиру. Долбаный ключ Благочестия! По сравнению с ним разрыв-трава всего лишь грубая шпилька. Всего три замка нельзя открыть этим ключом. Три замка, на которые облизываются все ведьмы и колдуны магического мира, да и другие существа гадают – что скрывается в трех больших инквизиторских хранилищах. Все остальные замки бессильно открываются, словно щель старой проститутки при извлечении на свет пачки дензнаков.

– Иду, Павел Геннадьевич! Я немного поранилась, сейчас перевяжу ранку и открою вам! – подает голос Людмила, пока убирает артефакты на место.

Плеть Калиматры никак не хочет ложиться на полку. Она уже вкусила крови и жаждет продолжения, плетиво шевелится, как просыпающийся после зимовки уж. Эх, было же предупреждение в книге Альториса, было. А Людмила не побереглась... Да что теперь себя корить? Надо думать, как исправлять ситуацию! И отсчет идет на десятые доли секунд.

– Людочка, у меня не так много времени. Отчет нужно сдавать уже завтра, – в голосе Великого инквизитора скользят недовольные нотки. Для скрытых камер Людмила всё также сидит, раздвинув ноги, перед монитором, где трое забавляются с девушкой.

Закливание невидимости никогда не произносилось с такой скоростью. Колдовские чары скрывают сокровища ведьмы, но, даже невидимая, плеть продолжает шевелиться. Она будет шевелиться до тех пор, пока Людмила не произнесет заклинание усыпления. То-то и оно, что она не успела его выучить.

На балкон!

Точно, на балкон. Но тогда снимутся чары ложного образа. А плевать! Людмила надеется на волшебный «авось», если не пройдет, так ей есть за что умирать. С открытием балконной двери, сидящая возле монитора девушка пропадет и возникнет в другом месте. Надежда на то, что на время посещения Великого инквизитора с квартиры снимут слежку. Чтобы видеонаблюдение не просочилось в чей-либо компромат.

– Иду-иду, Павел Геннадьевич! – Людмила поет бархатным голоском.

Или думает, что поет, а на самом деле орет не слабее Иерихонской трубы. Балконная дверь не стала противиться и заедать.

– Милая, выручай хозяйку – полежи тихонечко, а потом мы с тобой ещё позабудимся, – шепчет Людмила плети Калиматры.

Ведьминское оружие словно бы понимает женщину и обвисает бессильной ленточкой. Могущественный артефакт ложится на кафель между банками соленых огурцов и коробками с зимними сапогами. Эх, знали бы инквизиторы что у Людмилы находится в банках, под видом зеленых крепышей... Не миновать тогда костра на Красной площади.

В несколько движений сбрасываются трусики, и женщина подбегает к двери.

Великий инквизитор выглядит так, словно сошел с обложки журнала «Богатые и знаменитые». Волосок к волоску, костюм куплен не в магазине готового белья. Вот только губы недовольно кривятся. Понятно – он не привык ждать, а «мерзкая ведьма» заставляет терять драгоценные минуты жизни. Ведьма заслуживает наказание...

– Людочка, очень долго. И к тому же – у тебя продолжает течь кровь, – указывает он на запястье. – Ты так и не смогла остановить кровь, или у тебя лейкемия?

Вот это прокол! Нужно срочно выкручиваться. Мозг работает не на десять процентов, а на все сто пятьдесят.

– Я думала, что у меня есть пластырь, но увы... Омыла, а кровь продолжает идти.

– Да? Протяни руку, – инквизитор входит в квартиру. – Не хватало, чтобы ты мой костюм запачкала.

Людмила выставляет руку, он проводит пальцами над ранкой, и возникает голубоватое сияние, которое заживляет и лечит. Святая магия, или магия молитв. Сейчас он произносит про себя молитву излечения, и она оказывает лечебный эффект. С помощью этой молитвы еретики особенно долго мучаются, когда их режут и лечат, их кромсают и снова излечивают.

Когда на щеку Людмилы наносили раскаленное тавро с буквой «В», то никаких молитв не было. Людмила кричала, Людмила вырывалась... но что может сделать пятилетний ребенок против двух дюжих святош? Память о боли так крепко ввелась в память, что её не выбить никакими лекарствами и отварами. Когда инквизитор, вот как сейчас, смотрит на эту букву (в готическом стиле, с завитушками), то щека горит, будто её прислоняют к раскаленной конфорке электрической плиты.

– Как теперь, не больно? – он отпускает руку, на которой не осталось и следа от ранки. Даже шрамика нет.

– Нет, Павел Геннадьевич. Всё хорошо, спасибо, – Людмила опускает глаза.

Людмила должна изображать покорность. Людмила всего лишь ведьма. Но она не допускала ошибок в отчетах, так что инквизитор зашел специально, чтобы «сбросить напряжение». Сейчас он придумает какую-нибудь причину, чтобы зайти в спальню и там...

– Павел Геннадьевич, о какой ошибке вы говорили?

– Мы так и будем разговаривать на пороге, или позволишь пройти? – инквизитор протягивает треугольник для поцелуя.

Людмила чмокает холодный символ инквизиторской власти. Попробуй не поцелуй это изделие, которое по стоимости превышает квартиру в несколько раз. Отказ сразу приравнивается к одному из тяжких грехов, и отступник карается на месте. Буквально восьмой смертельный грех – отказ от поцелуя святого треугольника. Мало того, этот треугольник является индикатором на инакомыслие и защитником инквизитора. Если заподозришь что-то плохое против владельца, то тебя отшвырнет на пару метров, да ещё и шархнет так, будто лизнула оголенный провод под напряжением.

– Конечно же проходите, будете... чай?

Игру нужно поддерживать. Мужчины – охотники, им нравится ломать сопротивление и рассеивать недопонимание. Инквизитор как раз из охотников.

– Ого, какие фильмы смотришь, – инквизитор кивает на монитор, где три мускулистых парня уже насытились ведьмой.

– Одобрено святой комиссией. Наглядное пособие, – Людмила мысленно таскает себя за волосы. Вот надо же было забыть выключить это «наглядное пособие». Теперь не отвертись от «выволочки».

– Людочка, у меня крайне мало времени. Поэтому перейдем сразу к цели моего визита, – Павел Геннадьевич берет женщину за отворот халатика и мягко тянет в сторону спальни.

Смазка «Шалость» делает свое дело, а уж притворяться за свою недолгую жизнь Людмила научилась неплохо. На этот раз всё обходится очень быстро. Павел Геннадьевич даже не раздевается полностью, лишь спускает штаны и накидывается на женщину, как пустынный путешественник на родник в оазисе. Но если путешественник будет пить долго и жадно, то инквизитор извергается всего лишь за десяток-другой фрикций.

Людмила старается тоже изобразить бурный оргазм, сжимает его в объятиях, обхватывает ногами талию. Стонам может позавидовать опытная порноактриса... А в голове другое – **если могла бы, то задушила прямо сейчас, пока он пускает слюни мне на шею**. Как хорошо, что он успел снять свой треугольник и её не бьет святой защитой.

– Как хорошо, – вырывается у Людмилы.

Инквизитор принимает её слова на свой счет. Улыбается.

Мужчины, как же легко вам польстить, когда с вашего главного орудия стекают белесые капли. Вы видите всё насквозь в любое другое время, но не замечаете того, что творится перед

глазами в момент оргазма. Словно эти самые белесые капли становятся мутным матовым стеклом. А уж когда партнерша берет вас за опавшее копьё и оmyвает его теплой водой, ласково прикасаясь, то вы ощущаете себя на вершине мира. Цари природы...

– Людочка, похоже, что я ошибся в своих расчетах, – говорит Павел Геннадьевич, когда надевает штаны и прячет своё хозяйство за дорогой тканью. – На самом деле всё в порядке и я даже думаю выдать вам премию.

Людмила улыбается в ответ и с губ почти срываются слова благодарности, но в этот момент на балконе дзинькает. Плеть не смогла удержаться без движения! Людмила чуть прикусывает нижнюю губу – как же не вовремя. Сегодня всё не вовремя, и инквизитор, и ранка, и ожившая плеть. Павел Геннадьевич замирает и кидает быстрый взгляд в сторону балконной двери, так хороший сеттер делает стойку при обнаружении добычи.

– У тебя кто-то есть? – прищуривается инквизитор.

– Нет-нет, у меня никого нет, – Людмила знает этот прищур, он не сулит ничего хорошего. Нужно как можно быстрее оправдаться. – Может, это мыши?

– Мыши? У ведьмы водятся мыши?

– Павел Геннадьевич, вы же знаете, что я не колдую. И мышам всё равно – кто я. Это люди замечают, – женские пальцы касаются щеки. Клейма.

– Ну ладно, будет тебе прибедняться! – обрывает инквизитор. – Открывай дверь!

Людмила замечает, как из мужского рукава выскальзывает длинный кинжал. Оружие инквизитора – тонкий, как спица, но прочный, как алмаз. Острее скальпеля, с легкостью бензопилы режет кости. Людмила уже много раз представляла, как подобный кинжал втыкается под левую грудь. Она готова к смерти, и ей нечего бояться. Может, поэтому Людмила с улыбкой подходит к двери и спокойно открывает её?

В ноздри бьет резкий запах рассола. Осколки трехлитровой банки блестят острыми краями, коснись – порежешься. «Соленые огурцы» не потеряли своей формы, Людмила ещё раз поблагодарила темные силы за такое хорошее заклинание. Среди рассола и огурцов виднеется слабое трепыхание, будто невидимый домовый проводит пальчиком по лужице. Вот только всех домовых давно вывели, как языческий элемент противный истинному Богу. Много кого вывели, но кроме людей ещё остались иные разумные существа. Хотя и в небольшом количестве.

«Успокойся, прошу тебя! Успокойся!» – мысленно кричит Людмила, пока инквизитор подходит к дверям, мягко перекатываясь с пятки на носок.

– Павел Геннадьевич, это у меня закрутка не выдержала. Видимо, банка попалась с дефектом, – Людмила отодвигается в сторону. Старается, чтобы голос звучал убедительно.

– Эх, Людочка, вы всё ещё пользуетесь консервацией на зиму? Вы меня удивляете. Или вы мало зарабатываете, чтобы позволить себе свежие овощи и фрукты? – инквизитор оглядывает застекленный балкон с рядами банок.

– Ничего не могу с собой поделатъ. Хобби у меня такое. Одни вяжут, другие вышивают треугольником, а я делаю соленья на зиму. Сама не съедаю, и больше половины раздаю соседям, – Людмила сама чувствует фальшивость улыбки, но Плеть замирает, словно услышала её мысленные мольбы.

– Мда, надо проверить ваших соседей, – хмыкает инквизитор. – Если они живые и нормальные, то я у вас тоже поклянчу баночку.

– Нормальные-нормальные, даже спасибо говорят. Я как раз скоро ещё одну партию огурчиков солить собираюсь, так что могу принести свеженьких.

Вряд ли инквизитор обрадуется, когда захочет укусить хрустящий огурец, но обнаружит вместо него синий палец самоубийцы. Ими Людмилу снабжает патологоанатом Сергей Валяев, помесь сатира с человеком. За это женщина хранит его тайну и предупреждает о грядущих

проверках. Да, у секретаря верховного инквизитора есть небольшой допуск к информации о планах других подразделений.

Заклинание наведения образа на мертвые вещи держится гораздо лучше, чем на живых, поэтому вместо пальцев самоубийц инквизитор видит огурцы...

– Хорошо, Людочка, ловлю вас на слове, – об улыбку инквизитора можно порезаться как о кинжал.

– Я постараюсь, – с придыханием говорит Людмила и склоняет голову к плечу. – А если вам не понравится, то... накажите?

Жесткие черты Павла Геннадьевича смягчаются. Даже если он язык проглотит от удовольствия, то вряд ли откажется от «наказания» любимой секретарши. Людмила замечает в его глазах блеск. Сколько ещё удастся этот блеск поддерживать? Год, два, три? Вряд ли. Скорее всего отпущен год, а после ждет участь порноактрисы в фильме «одобренном святой комиссией».

А финал у подобных фильмов одинаков. Поэтому надо поторопиться.

Фердинанд

После ухода верховного инквизитора Людмила вновь включает порнофильм, наводит чары ложного образа и кидается к книге Альториса.

Эту огромную книгу она затащила к себе полгода назад под видом телевизора. Вот только весил такой телевизор около сорока килограммов. Затащила сама, дабы не позволить водителю Александру подниматься к ней в квартиру. На обложке из человеческой кожи вытеснены старинные руны, даже один взгляд на них внушает трепет. Людмила ощутила ни с чем не сравнимое блаженство, когда открыла книгу в первый раз, разложившись на диване. Словно оргазм, который никогда не испытывала.

Страницы древнего манускрипта почти крошатся в руках. Ветхий пергамент вызывает такое неудержимое чихание, что без медицинской повязки читать невозможно. Желтые страницы таят в себе много тайн и загадок, вряд ли на Земле можно найти другой такой драгоценный артефакт. И этот артефакт был у неё...

Предыдущий владелец был очень хитер и изворотлив, но против Святой Инквизиции ни один гoblin не может устоять. Людмиле повезло побывать в гoblinском жилище за сутки до того, как его избушку подперли снаружи и сожгли вместе с обладателем несметных сокровищ и рукописей. Ведьминское искусство понесло невосполнимую утрату, когда сгорела подборка старинных книг.

Зря гoblin кричал проклятия в адрес Огневой, она его не выдавала. Он и так стоял в планах на зачистку. Да, Людмила стояла и смотрела, как в закопченном стекле мечется зеленая фигура. Стояла и смотрела... А если бы отказалась сопровождать верховного инквизитора, то в избушке метались бы уже две фигуры. Людмила конспектировала. Людмила наливалась злобой.

Зато удалось сохранить украденную книгу, благодаря которой, получается собирать утраченные артефакты. Вот только обращаться с ними надо аккуратно, иначе можно нарваться на очень и очень крупные неприятности.

«Напой плетевище кровяницей и укажь на врага лютото. Плетевище не останется покида из врага дух не выпорхнёт. Опричь молви словеса сии: «Трасур, гибста, ушийда, мерюд!»

– Трасур, гибста, ушийда, мерюд, – шепчет Людмила над тем местом, где лежит Плеть Калиматры.

Ничего, тишина. Лишь огурцы начинают терять свой вид. Надо будет снова закатывать банки. Людмила проводит рукой по рассолу и находит твердое кнутовище. Это у богатырей был меч-кладенец, а у ведьмы появилась плеть-покладуха. Вот только можно ли пойти с плетью против святых молний, которые поражают нечестивцев на расстоянии двухсот, а то и трехсот метров?

Плеть занимает прежнее место, а Людмила с облегчением выключает монитор и отправляется в душ. Так хочется смыть этот день, начальственные прикосновения, липкие взгляды коллег. Для всех инквизиторов и обычных людей она не человек, а всего лишь три дырки, в которые можно попытаться засунуть свои отростки. А для Людмилы они похотливые создания, которые прикрываются религией и святостью, чтобы творить свои мерзкие делишки. Для Людмилы они убийцы, которые не заслуживают жалости.

Струи воды мягко массируют кожу. Обязательный крем втирается в кожу, крем словно создает броню от выстрелов. Да, это первый крем, состав которого Людмила взяла из книги Альториса, и прогресс налицо – её нельзя поранить обычной сталью. А вот с наручами она не досмотрела, магическому металлу просто наплевать на все кремы, которые Людмила втирает.

– Эх, Людочка, и что же ты такая красивая? – спрашивает Людмила у большого зеркала, которое отражает её в полный рост.

– Потому что ты рождена дарить красоту людям, – отвечает она за зеркало.

Мда, вот и начала сама с собой разговаривать. Ещё немного и сможет одеть немодную рубашечку с длинным рукавом и отправиться в заведение для сумасшедших. Хотя вряд ли – кто будет церемониться с сумасшедшей ведьмой? Скорее всего спишут на неё несколько жутких преступлений и казнят на главной площади. Как пример, чтобы другим неповадно было.

Сегодня ей не снятся сны. Проваливается в черноту и выныривает из неё посвежевшей и отдохнувшей. Утро начинается с обычного ритуала: каша в мультиварку, кофе в кофеварку, Людочка в душ. На всё про всё десять минут, и она уже за столом давится липкой овсянкой. Никогда не любила эту серую гадость, но она содержит медленные углеводы, которые позволят продержаться до обеда. Не успевает накраситься, как звонит телефон.

– Людочка, я жду внизу, – сообщает слащавый голос Сашка. – Сегодня я могу отвезти тебя на работу, а ты можешь пригласить меня на рюмку чая.

– Сашенька, это так здорово. Плохо то, что у меня чайник остыл, но, после работы... – щебечет Людмила, пока подкрашивает левый глаз.

– Задрала ты кормить меня завтраками. Чо, нормально дать не можешь? Небось начальнику не отказываешь.

– Саш, я тогда лучше на такси доберусь.

– Ладно, спускайся. Пользуйся моей добротой.

Людмила легкой пташкой влетает в черную мрачную машину, на капоте которой красуется большой треугольник. Кожаное сиденье отзывается скрипом. В салоне пахнет кофе и дорогим парфюмом. Людмила награждает водителя легким поцелуем в щеку, пусть хоть это будет ему наградой. Нельзя отпустить бесплатного извозчика.

– А почему ты сегодня без шефа? – спрашивает, когда машина начинает движение.

– Он поехал нового зама встречать, – бурчит Сашок и косится на голые колени.

Приходится натянуть юбочку пониже, чтобы не отвлекать его от дороги.

– Какого нового зама? Почему я не в курсе?

– Вот ещё, будут какую-то секретаршу спрашивать. Заместитель Павла Геннадьевича послан сверху, самим Папой, – Сашок показывает на потолок автомобиля, намекая на важность присланного человека.

– Эх, Сашенька, была бы я на месте Павла Геннадьевича, то поставила бы тебя на место зама. Ты так много знаешь и так хорошо умеешь управлять, – Людмила ласково улыбается водителю.

От похвалы у него появляется на щеках румянец. Водитель даже приосанивается, будто пробует задом мягкость дорогого кресла в шикарно обставленном кабинете. Мелкие мечты мелкого человечка. Он весь как на ладони иуправлять им легче, чем велосипедом. Польстишь немного и можно вить веревки.

– Да, я бы показал, где раки свистят. Все бы у меня вот здесь были, – водитель сжимает волосатый кулак, но одергивает себя. – С разрешения Павла Геннадьевича, конечно.

Людмила изображает интерес и слушает пустую похвальбу и дурацкие «рациональные предложения» вплоть до офисного здания. Коробка из металла и стекла заглатывает Людмилу каждый будний день. Её и несколько сотен таких же работников. Среда не исключение, и Людмила скрывается за стеклянными дверьми. Людмила старается идти осторожно, иначе от щипков и похлопываний по филейной части не сможет сидеть весь день. Да, кожу не пробить, но нервные окончания ещё не атрофировались.

Толпы служащих спешат на рабочие места. Эта толпа, которая на улице зевает и почесывается, после переступания через порог металлической рамкимагическим образом преобража-

ется. Люди становятся подтянутыми и сосредоточенными, будто каждому вкачивают несколько доз новокаина и лица замерзают. Лишь холодно посверкивают фальшивые улыбки.

Рабочий день начинается с разбора почты. Это на подпись, это отправить, это может подождать, а это... Сердце делает головокружительное сальто и с размаха шлепается на место, своим кульбитом вызывая неожиданную боль.

Пояс Ларинджины!

Да, это всего лишь карандашный набросок, напоминающий боксерский пояс со множеством бляшек, но это без сомнения он! Людмила много раз рассматривала его в книге Альториса и сейчас узнает с первого взгляда. А его хотят передать Святой инквизиции! Вот это подарок...

«Завяление. Ваше Свистейшество, хачу пиредать вам энту колдовскую хреновину. Давеча чистили с сыном выгребную яму под туалетом и чой-то блякнуло под лопатой. Мы-то думали, шо это фигня какая-то и хотели детшикам отдать поигратъся, но наш священник Микола Силантыч сходу определил, шо это колдовская вещь и отдать её моженно только Великой Инквизиции. Мы с сыном забесплатно это делаем, нам бы тока коровку каку завалящу...»

Дальше Людмила не читает. Аккуратно складывает бумагу и «нечаянно» скидывает её на пол. Никто не знает, что под столом есть потайное отделение, туда-то и ложится «Завяление». И только Людмила задвигает скрытую панель на место, как видит, что возле стола останавливаются две пары начищенных до блеска ботинок.

– Какое прекрасное зрелище. Нет ничего лучше, чем вид кающейся грешницы. Я думаю, что со служащей, так истово приветствующей начальство, мы сработаемся.

Голос пробирает до самых пяточек, будто по внутренностям проводят меховой рукавицей. Бархатные нотки завораживают, заставляют вибрировать всё тело и в груди появляется огромный теплый ком. От неожиданности Людмила выпрямляется и прикладывает макушкой о столешницу. Дзинькают ручки в подставке, на стол падает кружка, хорошо ещё, что пустая.

Людмила, потирая ушибленное место, вылезает из-под стола и пропадает. Действительно пропадает без оглядки, растворяется в зеленых глазах самого красивого мужчины на свете. То, что рядом стоит её начальник, она даже не замечает. Людмила отдаленным краешком сознания чувствует, что уголки губ начинают ползти к ушам.

– З-здравствуйте...

Мужчина превосходит мужской красотой всех прекрасных актеров, которые играют в мелодрамах. Свежесть майской зелени плещется в глазах, о скулы порезаться можно, нос прямой, как перекладина оконного переплета. Черные волосы зачесаны назад и каждый волосок занимает положенное ему место. На полголовы вышестоящего рядом мужчины. Ой, рядом же стоит Павел Геннадьевич. Щеки Людмилы заливаются багрянцем.

– Людочка, похоже, что вы хотели сделать мне сюрприз и спрятались под столом? Экая вы шалунья, – улыбка начальника напоминает скальпельное лезвие. Похоже, что он заметил, как Людмила посмотрела на мужчину (**мужчину? Ангела во плоти!**) который стоит рядом. – Позвольте познакомить вас с Фердинандом Сергеевичем Смельцовым. Он будет моим заместителем на проекте «Цитронус».

– А как же Григорий Валентинович?

– Его перевели в другое предприятие. Скорее всего, он там нужнее, – глаза Павла Геннадьевича напоминают две льдинки в стакане виски.

Людмила задает слишком много вопросов! Понятно и так, что если человека сдернули с хорошего места без лишних слов, то это означает одно – он стал неугоден. «Потерял доверие» – с такой формулировкой отличные начальники и управленцы отправляются на крайний север доносить Слово Божье до белых медведей.

– Это мой личный секретарь, Людмила Игоревна Огнева. Да, у меня на службе ведьма, – говорит Павел Геннадьевич своему заму. – Но это особенная ведьма, я знаю её с малых лет и она всегда служит мне верой и правдой.

Фердинанд Сергеевич стоит рядом с начальником и улыбается. На его груди мерцает инквизиторский треугольник чуть меньшего размера, чем и у Павла Геннадьевича. Улыбка нежная, беззащитная, такой могут улыбаться дети, когда понимают, что натворили что-то не то и теперь ждут реакции взрослых.

Почему же ноги Людмилы становятся ватными?

– Извините, – лепечет Людмила и опускает глаза на бумаги.

– Принесите нам два кофе. Мне как обычно, а Фердинанду Сергеевичу...

– Мне, пожалуйста, каплю сливок и два кусочка сахара, – своим бархатным баритоном говорит заместитель начальника, и Людмила едва ощутимо вздрагивает, когда мурашки толпами начинают носиться по коже. – Люблю сладкое, понимаете ли.

«Сладкоежка», – проносится у Людмилы в голове ласковая мысль и тут же одергивает себя. – «**Людя, возьми себя в руки! Он может пить сладкий кофе и наслаждаться видом горящих людей!**»

– Да, сейчас принесу, – Людмила всё равно не может оторваться от завораживающих глаз.

– Людочка, и вызовите курьера из «Католик Экспресс», мне нужно будет передать важный документ.

– А почту?..

– Со всеми документами потом. Сперва я введу Фердинанда Сергеевича в курс дел.

– А...

– Людочка, я не собираюсь два раза повторять.

Голосом Великого инквизитора можно заправлять криогенные камеры – он холоднее жидкого азота. Людмила понимает, что своей назойливостью раздражает начальника, но так не хочется отпускать красивого зеленоглазого мужчину, который взирает на неё с легкой смешинкой в глазах.

Надо! Надо! Иначе обычным «наказанием» можно не обойтись.

– Извините, – лепечет Людмила снова, – кофе сейчас будет готов.

Павел Геннадьевич хмыкает и приглашает Фердинанда Сергеевича пройти в свой кабинет. Заместитель в последний раз улыбается Людмиле и направляется следом за начальником.

Темные силы владычицы Комесы, я почти теряю сознание, когда зеленые глаза смотрят на меня. Да, может мне показалось, что смотрят ласково, может, это всего лишь фантазии воспаленного мозга, но я чувствую, что таю и растекаюсь, как снеговик теплым мартовским днем.

Людмила не может удержаться, чтобы не кинуть взгляд на крепкий зад нового заместителя.

Что со мной? Я же должна ненавидеть все эти строгие костюмы и треугольники с изумрудами. Я же каждый вечер представляю, как пытаю их, как заставляю мучиться от боли. В моих ушах звучали стоны подлых святош, а теперь? Я таю...

Нет, надо взять себя в руки. Надо вспомнить все те страдания, которые Людмила вынесла, пока поместила попку в кресле секретарши верховного инквизитора, руководителя министерства по истреблению ереси и вольнодумства. Карандаш ломается в руках, и заноза впивается в палец. Боль отрезвляет.

Боль всегда отрезвляет, она не дает забыть – зачем я здесь...

Людмила специально оставляет занозу в пальце – нужно отнести кофе начальству и не поддаться колдовскому свету глаз Фердинанда Сергеевича. Интересно, а как его называют ласково? Фердиняша? Фердинанчик? Фердинюша? Людмила зажимает кусочек кожи, где кровоточит мелкая ранка, и саднящая заноза придает сил.

Темные силы владычицы Комесы, помогите мне выдержать!

Людмила славится тем, что может на одной руке нести поднос с четырьмя чашками кофе, сахарницей и серебряным кувшинчиком. Причем чашки будут налиты «с горкой», и ни одна коричневая капля не упадет на белизну блюдечка. Теперь же её руки трясутся, словно она несколько дней пила без перерыва самый жесткий алкоголь. И ноги ватные... А сердце бухает громче стука каблучков.

– Людмила, возьми себя в руки! – сердито шепчет секретарь отражению маленького зеркала.

Вредное отражение не хочет брать себя в руки. Оно хочет растаять в объятиях Фердинанда Сергеевича, хочет пропасть в зелени его глаз, хочет дышать воздухом его легких, хочет выпиться в четко очерченные губы...

Приходится недоливать в чашки, иначе весь поднос будет заляпан коричневыми кляксами. Секретарь верховного инквизитора оглаживает блузку, расправляет идеальные оборочки на воротнике, одергивает юбку и снимает невидимую пушинку. Несколько движений расческой, потуже волосы. Всё, она готова! Глубокий вдох, глубокий выдох. Темные силы, как же трясутся колени...

– Павел Геннадьевич, разрешите? – после легкого стука Людмила приоткрывает дверь в кабинет начальника.

– Да-да, Людочка. Прошу вас, – раздается в ответ вежливо-холодный голос.

В коричнево-красном кабинете как всегда пахнет ладаном. Людмила прикрывает за собой дверь.

Сердце бухает так, будто схватило самый большой молот кузнеца и со всего размаха бьет в огромную наковальню. Фердинанд Сергеевич сидит по правую руку от начальника. Сидит так, будто это Павел Геннадьевич зашел к нему на собеседование. Лакированные столы соединены буквой «Г» и на столешницах разложены бумаги. Оттиски печатей напоминают о недавней «выволочке». Нет, это не те бумаги. Другие.

Людмила чувствует свою неровную походку, злится на себя, прижимает палец с занозой к подносу, но никак не могу справиться с бурным дыханием. Кровь прилила к лицу и на нем можно жарить яичницу. Фердинанд Сергеевич скользит по женщине чарующими зелеными глазами, а она всеми силами старается переставлять дрожащие ноги.

Только бы не уронить поднос.

– Людочка, с вами всё в порядке? – так может шипеть змея перед тем, как совершит бросок на беззащитного кролика.

Со мной? Конечно же нет! Конечно же не в порядке. Я... Я впервые ощущаю себя рыбой, выброшенной на берег. Воздуха не хватает, сердце колотится с такой силой, словно хочет разнести вдребезги грудную клетку и вырваться наружу. Во рту пустынная сухость, только перекасти-поле не катается.

– Дда, Павел Геннадьевич. С утра немного нездоровится, п-похоже, что чем-то отравилась.

– Своими соленьями?

Людмила вздрагивает. Он заметил это?

– Ннет, я не знаю чем. Ничего такого особенного не ела, – Людмила ставит чашку перед Павлом Геннадьевичем, и старается не смотреть на него.

Спрятать взгляд, скрыть эмоции!

Когда же подносит чашку к руке Фердинанда Сергеевича, то не может справиться с дрожью.

Чашка выпадает и разливается...

Коричневая волна цунами захлестывает его руку!

Я пропала...

Людмила закрывает глаза и пятится.

Темные силы, за что вы со мной так? Что я сделала?

– Людмила, нужно аккуратнее, – вместо крика боли раздается спокойный бархатный голос.

Людмила спиной касается холодной стены и открывает глаза. Фердинанд с улыбкой смотрит на неё. Женщина же готова упасть на колени и молить о прощении. И за меньшие провинности в людей ударяли молнии Святого огня, а сейчас...

– Всё хорошо, Людмила. Я в порядке, – зеленые глаза также приветливы, как и при первом появлении в её жизни.

Фердинанд Сергеевич проводит пальцами по обожженному месту, и возникает голубоватое свечение. Он лечит себя. Какая же у него железная выдержка – даже не вскрикнул от кипятка. Бумаги с печатями залиты коричневой влагой. Хорошо ещё, что на них не проставлены подписи Великого инквизитора, который с холодной усмешкой взирает на женский испуг. В его глазах мелькает удовольствие? Он уже представляет, как будет «наказывать» секретаря? Или они это сделают вместе?

– Неаккуратно, Людочка. Очень неаккуратно, – холодный голос заставляет колени дрожать отчетливее, но не от возбуждения, а от страха. – Это ваш первый промах. Очень надеюсь, что он будет последним.

«Иначе тебя ожидает смерть!» – завершает его речь мысленный голос.

– Я... Я... Извините, пожалуйста. Простите мою неловкость, я сейчас всё уберу, – Людмила опрометью кидается к столу и пытается спасти от расплывающейся жидкости бумаги с печатями.

– Людмила, успокойтесь. Это лишь образцы документов, которые я хотел изучить дома. Сейчас мы распечатаем новые. Правда, Павел Геннадьевич? – ладонь Фердинанда Сергеевича ласково накрывает женское запястье.

Какие твердые пальцы. Такое ощущение, что это теплый мрамор коснулся её кожи. Будто в Летнем парке она дотронулась до руки памятника одного из Великих правителей. Твердые пальцы, но прикосновение получилось нежное. Людмила снова чувствует, как загораются щеки. Фердинанд Сергеевич незаметно подмигивает.

– Правда ваша, Фердинанд. Что-то с Людочкой сегодня случилось, никогда такого не было. Людочка, вы бы шли домой. Возьмите на сегодня отгул, отлежитесь, подлечите здоровье. Можете даже сходить в центр Святого прикосновения, скажете, что к Леониду Карловичу по моей просьбе. Завтра я вас жду на рабочем месте в полном здравии. Мои служащие нужны мне здоровыми, – глаза Великого инквизитора блеснули сталью.

И снова эта угрожающая недосказанность. Вроде бы и не сказал ничего угрожающего, но Людмилу словно из ведра облили ледяной водой. Она кивает и выходит из кабинета. Спиной чувствует два взгляда – один замораживающий, второй теплый и ласковый.

Только не оборачиваться...

«Абатисса Варвара»

Мерзкая погода, мерзкая дорога, мерзкий таксист. Крупный мужчина так сильно пожирает Людмилу глазами, что она притягивает к себе сумочку и нащупывает баллончик с перцовым охладителем возбужденных самцов. Уже были случаи, когда с ведьм вимали плату натурой, а потом девушек находили лежащими в придорожных канавах. Нет, этот водитель не получит сегодня секретарского тела. Вот если бы на его месте был Фердинанд...

Мужчина или чувствует настрой женщины, или же видит руку в сумочке, но градус страсти в машине понижается. Взгляды остаются, но уже не такие откровенные. В магнитоле играют церковные гимны, иногда они прерываются проникновенным голосом Властительного Иордания, который зачитывает святые заветы из Сводов Небесной Благодати.

Религиозная обработка заблудших овец идет полным ходом. Церковь присутствует везде. Родился – тебя осматривает инквизитор. Закричал – твой голос записал инквизитор. Срыгнул – пятно осматривается на предмет трех шестерок. Лишь после обряда вступления в мирскую сущность чуть ослабляется внимание. Но до обряда доходят не все – десять процентов младенцев «не оправдывают доверия».

Родители могут возмутиться и последовать за детьми, либо родить новых. Если второе рождение тоже приносит разочарование, то родители отправляются следом за детьми. Через священный огонь проходит очищение от демонических сил, которые завладели родителями. А вся их вина состоит в том, что младенец неправильно покакал или неудачно срыгнул. Жестокое время, жестокие меры... И всё это прикрывается добродетелью. Заветами из Сводов Небесной Благодати.

Табличка с названием «Нижние угли» открывает проселочную дорогу, по которой можно пробраться лишь на тракторе. Водитель такси останавливается.

– Уважаемая, дальше я не проеду.

– Я могу заплатить, – Людмила понимает, что это бесполезно, но попытка не пытка.

– Ты можешь пешкодралом почапать, но я не поеду, даже если через болт весь мозг у меня высосешь. Вон на той канаве сяду на пузо и буду куковать до второго пришествия. Так что, либо вали из машины, либо едем обратно, – хмыкает водитель.

– Может, вы подождете в машине? Я всего на пару часов. За простой я оплачу, – Людмила делает попытку удержать водителя демонстрацией краешка крупной купюры.

Очень не хочется переться по грязи, а если потом ещё и попутку ловить...

Водитель хмуро смотрит перед собой, словно его интересует только одна асфальтированная дорога. На панели машины в ряд приклеены иконки. Преобладает Святой Семен, покровитель автомобилистов. Все святые взирают на Людмилу с тем же настроением, что и водитель. Они тоже ненавидели ведьм. Людмила вздыхает и выходит из машины.

– Добирайся сама, сучка! – кричит водитель в открытое окно и резко срывается с места.

Что же, это не самое плохое прощание для ведьмы. Людмила с легкой улыбкой следит за тем, как машина разворачивается и проносится мимо неё. Водитель пытается харкнуть, но слюну сносит ветром. Да уж, вот они, последствия клейма на щеке. И пожаловаться некому.

Кстати, о клейме. Надо совершить ритуал, который облегчит задачу с поимкой Пояса Ларинджины.

Людмила отходит в густой ивняк и наостряет уши – чтобы никто не проехал, и никто не увидел с дороги. Из сумочки вылезает маска. Резиновая маска, вроде тех, которые надевают актеры для киносъемок. Маска привычно ложится на лицо, клей-гель прижимает её плотно, будто вторую кожу. Из-под блузки вылезает подрясник, клобук садится как влитой, сверху мирской вид закрывает ряса. Небольшой треугольник, в два раза меньше, чем у Павла Геннадьевича, ложится на черную ткань.

Людмила готова! Из кустов на разбитую дорогу выбирается абатисса, женщина с полномочиями карать и миловать. Средний состав, но статуса должно хватить, чтобы забрать у колхозника бесценный артефакт. Вперед! По грязи и сырой траве!

На её счастье с дороги слышится шум и на проселок сворачивает огромный лесовоз. Необъятная морда железного зверя замирает в нескольких шагах от женщины, словно демон из преисподней застывает перед броском. Людмила воздевает руку в благословляющем жесте и подходит к машине. Дверь открывается и на неё смотрят две пары глаз.

– Залезайте, ваше... святейшество, – говорит один из мужчин, толстяк с большими залысинами. – Нечего зря ноги по нашим колдоёбинам ломать.

«Ваше святейшество». Он не знает, как к Людмиле обращаться. Видно, что ни разу не сталкивался. Женские чины настолько редки, что их объединили одним названием – «мать». Только эти «матери» в своем святом рвении нередко переплывают по жестокости «отцов».

– Да пребудет с вами Благословение Божие, да не отвернется от вас Святой Семен. Во имя отца и сына, – торопливой скороговоркой выплываются жгучие слова. – Спасибо, добрые люди, за заботу. Вы не в «Нижние угли» едете?

– Дык там дальше и не уедешь, – хохочет тот, что за рулем, худосочный мужчина с бегущими глазками. – Там шахты натканы, а за ними лес непролазный. Тупик.

– Вот туда-то мне и нужно. Подвезете, мужчины? – Людмила хватается за протянутую ладонь и влезает в кабину.

В нагретой на солнце кабине пахнет бензином, старыми носками и мужским потом. На полу валяются окурки, на панели красуется фотография обнаженной девицы, которая бесстыдно раскинула ноги. Груды огромные, такие спокойно можно назвать выменем. И на щеке буква... Фотографию тут же прячет водитель, виновато косится на монашку.

– Конечно же подвезем, ваше святейшество. Мы всегда рады помочь Святой инквизиции, – пытается отвлечь внимание от своего коллеги второй водитель. – Надо в «Нижние угли»? Будут «Нижние угли»? Надо в «Михайловку»? Будет «Михайловка». Только скажите. Вы, небось, к Миколу Силантьичу направляетесь?

– За то, что подвезете, я не обращаю внимания на срамную фотографию. Но помните, что без печати «одобрено святой комиссией», эта фотография является происками дьявола. Я думаю, что её следует подвергнуть сожжению, – Людмила хмурит брови. Старается не очень сильно хмуриться, а то маска может слезть, и тогда она вместо бабы на фотографии будет лежать с раскинутыми ногами. – И да, я к Миколу Силантьевичу.

– Сейчас, сейчас. Мы же не со зла, а так... взгрустнется в поездке на дальняке. Сейчас сожжем, – водитель передает фотографию напарнику, тот тут же запаливает её зажигалкой.

Голубоватый огонек жадно пожирает фотографию. Бумага темнеет, трескается и уже кажется, что женщина с раскинутыми ногами безмолвно кричит, сгорая в очищающем огне. В пепельнице догорают остатки фотографии, последними темнеют глаза...

– Гриха, походу мы с тобой сами стали инквизиторами, раз ведьму сожгли, – несмело улыбается толстяк.

Второй мужчина прыскает и искоса наблюдает за реакцией абатиссы. Дергают черта за хвост! Надо их одернуть, а то рискнут ещё раз пошутить, и тогда баллончик с перцовкой расплывется в кабине.

– Заткнитесь и ведите машину! – цедит Людмила сквозь зубы. – Моя доброта небезграничная, а за крамолу знаете, что бывает?

– Простите, ваше святейшество, – сдавленно выдавливает водитель.

Больше бледные водители не рискуют шутить. Машина переваливается по разбитой дороге и вскоре выныривают серые крыши домов.

Убогая деревенька встречает шикарным постаментом с огромным равносильным треугольником. За верхний угол зацеплена веревка и в петле висит великий мученик. При взгляде

на скульптуру мороз пробегаёт по коже. Или свет падает так, или это фантазия перевозбужденного разума Людмилы, но она видит, что великий мученик взирает не кротко, не с мукой в глазах, а так, словно готов прыгнуть с треугольника и каленым железом выжигать скверну по всей земле. Так могли смотреть идола язычников, которым приносили кровавые жертвы, но никак не символ Церкви... которой тоже приносится кровавая дань. Людмила вздрагивает, когда глаза великого мученика со злостью впиваются в неё.

Нет, это только показалось, это всего лишь игра света и, спустя несколько метров, они проезжают мимо обычного памятника. И глаза уже добрые и приветливые. Такие же, как у Павла Геннадьевича, когда он подписывает приказ на увольнение «не оправдавшего доверие» человека.

Лесовоз встречают два худых пса, которые зло гавкают на широкие колеса. Тявкают с таким остервенением, будто именно колеса виноваты в их нелегкой судьбе, в постоянных туманах и вечном голодании. Людмила не боится собак, больше опасается людей, но по поведению четвероногих существ можно судить об их хозяевах.

Деревенские домишки походили на сопровождающих псов, такие же худые, перекошенные, облезлые. С первого взгляда и не скажешь, что в этих хибарах живут люди. Временное пристанище последнего бомжа мегаполиса является замком по сравнению с домиком зажиточного крестьянина. Зажиточным считается тот, возле дома которого стоит трактор. Данный динозавр стоял только возле одного более-менее крепкого дома.

Зато церковь поражает великолепием: белоснежные стены, красочные витражи, золоченые треугольники на куполах. Не удивительно, если двери и мебель сделаны из дорожущего сандала. Дом для беседы с великим мучеником выглядит настоящим дворцом, он блестит, как дорожущий самородок посреди навозной кучи.

– Вот тут и обитает Микола Силантьич, – кивает «Гриха» на вместилище святого духа. – Вам к нему. Благословите, ваше святейшество?

Струю перцовки тебе в рожу, а не благословение!

Но нельзя выдавать себя раньше времени. Нельзя. Потому Людмила ещё раз благословляет и брезгливо морщится, когда их слюнявые губы касаются кончиков пальцев.

– Спасибо, что подвезли. Постарайтесь больше не грешить. Помните, что Он постоянно следит за нами! – Людмила вылезает и показывает на небо.

Водители истоиво творят знак треугольника и обещают стать чуть ли не святыми. Лесовоз медленно отъезжает и вскоре исчезает за поворотом. Людмила поворачивается и нос к носу сталкивается с мрачным мордоротом. По-другому нельзя назвать это огромное существо. Первым впечатлением Людмилы была мысль, что горилла сбежала из зоопарка и напала на местного священника. Мало того, что напала и убила, так ещё нарядилась в его рясу и нацепила сверху треугольник. «Горилла» открывает пасть и рычит:

– Здравствуйте, мать-абатесса. Во имя отца и сына рад приветствовать вас.

– Здравствуйте, Микола Силантьевич. Я тоже приветствую вас во имя отца и сына. Так было, так есть и так будет, – Людмила смиренно опускает глаза, всё же она женщина, хотя и выше его по церковной иерархии.

– Благословенны будем. Что привело вас в наш отдаленный уголок?

Нет, всё-таки священник очень похож на гориллу. Похож маленькими злыми глазками, челюстью, которая напоминает утюг, длинными ручищами на массивном торсе. По фигуре видно, что священник не гнушается тяжелым крестьянским трудом и мало похож на тех благообразных прыщей, которые осядут на хлебном местечке и обрастают жирком, просвещая паству относительно заветов из Сводов Небесной Благодати.

– Я к вам прибыла по поручению верховного инквизитора. Из «Нижних углей» пришло письмо о том, что вы что-то обнаружили, – Людмила говорит бесстрастным голосом, старается ни жестом, ни взглядом не выдать своих истинных намерений.

Священник странно смотрит на неё, слишком внимательно, словно старается вспомнить лицо Людмилы. Она его первый раз видит, но он не отводит взгляда. Приходится даже кашлянуть, чтобы прервать затянувшуюся паузу. Слишком уж повышенное внимание, так может смотреть дворовый пес, который усиленно думает – вцепиться вам в ляжку или повилить хвостом.

– Ой, простите, что томлю вас на пороге. Прошу проследовать в мою скромную обитель. Вы как раз успели к ужину, – священник отступает и делает приглашающий жест в сторону «скромной обители». – Меня в миру называют отец Николай, так что можете так обращаться.

– Абатесса Варвара. Приятно познакомиться.

Людмила заходит в церковь. Двери и взаправду из дорогого дерева, не сандал, но пламенная береза. Из такого же массива сделаны и скамьи для прихожан. Сам алтарь и аналой из красного дерева. Золотой переплет Сводов Небесной Благодати, который лежит на аналое, ослепляет с порога. Золоченые рамы, золоченые люстры, золоченые подсвечники. Внутри храма всё заставляет испытывать трепет и восторг. С икон взирают хмурые лица, на расписных стенах картины адских мучений.

Людмила осеняет себя треугольником и шепчет слова молитвы. Это всё рассказы, что ведьма не может заходить в церковь. Может... может и чины в инквизиции занимать. Предупредительный священник ведет Людмилу в сторону малоприметной двери.

Людмила входит в его келью. Женщины не должны заходить в обитель мужчины. Но Людмила сейчас не женщина, а духовное лицо. Тем более, что по рангу она выше деревенского священника.

Узкая кровать, стол и табуретки. Шкаф со священными книгами. Особенно умиляет умывальник с соском, над обязательным тазиком на невысокой тумбочке в углу. Людмила такие видела только на картинках.

– Присаживайтесь, абатесса. Доставите мне радость и разделите трапезу? – священник сама любезность.

– Отец Николай, я вообще-то тороплюсь...

– А после и вещицу эту пойдем смотреть. Дорога-то, чай, была не близкой.

Ох и не идет этой горилле подобная мягкость. Ему бы на боксерском ринге морды разбивать, а не кисточкой помазания творить. Людмила соглашается и присаживается на одну из табуреток. Священник выходит из кельи.

Людмила терпеливо ждет. Во время ожидания выложила бумагу с печатью Великого инквизитора. Подпись она давно научилась подделывать, а вот печать ей как нельзя кстати попала. Наверно это Темные силы её руку тогда подтолкнули... Правда, Фердинанда обваляла. Снова ловит себя на мысли, что называет его Фердинандом. Как своего. Как близкого...

– Вот, подкрепимся, чем Бог послал, – священник вносит грубый поднос, на котором красуются тарелки с окрошкой, хлеб и большая кринка молока.

После произнесения молитвы начинается поглощение трапезы. Всё происходит в полном молчании, так как основной разговор предстоит при показе находки. Священник краем глаза читает выложенную бумагу. Печать он не мог не узнать.

Окрошка такая вкусная, огурчики аппетитно похрустывают на зубах. Небольшой привкус от кинзы присутствует, но это скорее блажь хозяина – Людмила никогда в окрошку ничего, кроме укропа и лука не крошит. Хлеб оказывается мягким и вкусно пахнет дымком. Так вкусно, что пальчики оближешь...

Вот только почему-то пальчики начинают расплываться...

Голова тяжелеет, неужели от сытного ужина?

Веки с трудом поднимаются, наливаются тяжелым свинцом...

Людмила замечает усмешку священника...

Это последнее, что она видит перед тем, как тяжелая голова клонится к столу и Людмила погружается в сон без сновидений...

Пробуждение же приходит от холодного ветерка, который прогуливается по её обнаженному телу.

Где я? Темнота такая, словно лежу с завязанными глазами. Хочу стянуть скрывающую повязку, но руки отзываются звоном цепей. Я прикована? Лежу на грубом тюфяке, соломинки колют в бок. Ноги? Тоже звон цепей. Холодный металл натирает кожу. Да где же это я? Руки закинута за голову, ноги расставлены в стороны.

– Эй! Кто-нибудь! – кричит Людмила.

Ничего. Тишина. Подвал? Или скрытая комната для пыток? Такие обычно делают под замками – чтобы запах крови не опускался и не портил аппетит. Людмила снова пытается выдернуть руки, но безуспешно, болты прикручены на совесть.

Дикость какая, и это в век современных технологий? Какими бы не были тонкими женские кисти, но пролезть в отверстие кандалов им не удастся. Главное – не паниковать. Из любого положения есть выход. Надо попробовать рассуждать логически. Её опоил священник? Несомненно. Почему он это сделал? Где она допустила ошибку? Вряд ли священник настолько безумен, что покусится на посланницу от верховного инквизитора.

– Э-эй! Меня кто-нибудь слышит? Помогите!

Снова без надежды на успех, слова канули в тишину. Эха нет, значит, она не в большом помещении, а в мелкой камерке. В келье священника? Но там было окно, а здесь нет ничего. Повязки на глазах нет, Людмила уже проверила, когда попыталась почесать ухо.

– Эй!! Именем Святой Инквизиции!! – выкрикивает Людмила что есть сил.

На этот раз слышится звяканье ключей. Очень своевременно, будто человек сидел под дверью. Дверь с жалобным скрипом открывается и в маленькую камерку, похожую на склеп, входит батюшка Николай. В большой ладони почти скрывается канделябр с пятью свечами. Он хмуро смотрит на женщину.

Свет от свечей дает возможность оглядеться. Она лежит на каменном возвышении, на которое брошен заскорузлый тюфяк. Руки и ноги прикованы цепями к кольцам в стенах, похожих на булыжную мостовую. И да, Людмила полностью обнажена. Почему-то все инквизиторы любят измываться именно над голыми людьми. Чтобы к боли добавлялось чувство неловкости и стыда.

– Так чьим именем ты пытаешься прикрыться... ведьма? – последнее слово священник выплевывает с ненавистью.

– Отец Николай, что всё это значит? В отделе расследований по делам служебных нарушений вас по головке за такое не погладят.

– Матушка, – снова ненависть, – это ты меня сейчас по головке будешь гладить, и умолять, чтобы я тебя не сдал в Инквизицию. А ведь там очень обрадуются, когда узнают, что ведьма выдавала себя за абатессу.

С этими словами он тянет что-то из кармана. Какую-то тряпочку. Тряпочка растягивается и хлопает его по пальцам с легким щелчком. Он поднимает её выше. Резиновая маска! Но как?

– Или ты надеялась обмануть храмника с Истинным взором? – скалится священник.

Темные силы! Вот хуже и придумать нельзя. Храмник с Истинным взором... Откуда же я могла знать, что один из элитных воинов будет прозябать в глухой деревне.

Людмила маску не одевала в городе, потому что от храмников невозможно скрыться за личиной – они видят суть человека. Но они элита, их не выпускают из города, почему же этот здесь?

– Удивляешься, почему я не в мегаполисе? Изгнали меня, девочка-ведьма. Изгнали за излишнюю жестокость.

Появляется огромное желание закрыть глаза. Как в детстве – если закроешь, то не так уж и страшно. Людмиле становится очень страшно, особенно, когда увидела, как он вытаскивает из кармана рясы длинное, тонкое шило и начинает нагревать его на огне свечи.

Дверь медленно закрывается, и они остаются вдвоем в этой маленькой комнатухе, похожей на склеп. Людмила не знает, что делать. Просто не знает. Не взяла с собой ни одного зелья, ни одного порошка, никакого оружия. Да и негодились бы они – этот хитрый зверь предусмотрел возможное сопротивление. Поэтому опоил и приковал так, чтобы Людмила не смогла сделать ни одного пасса руками.

Людмила смотрит, как блестящий клык шила темнеет под пламенем свечи. Правду говорят, что ожидание смерти хуже самой смерти. Тень священника колеблется на серой стене, будто огромный оборотень вырывается из человека. Под учащенным дыханием язычки пламени колышутся сильнее.

Учащенное дыхание? Он возбуждается?

Женский взгляд против её воли скользит по рясе отца Николая, и она замечает оттопыренную ткань. Темные силы, вот это у него возбуждение. Далеко выдающийся холм натянул черную ткань и едва-едва поднимается и опускается. Словно дышит. Его это реально возбуждает. Может, получится воспользоваться?

– Отпусти меня и стану твоей рабыней.

– Отпустить ведьму? Не смехи.

– Я умею подчиняться и обожаю боль, – Людмила пытается выглядеть сексуально... Но как так можно выглядеть, если лежишь на грязной ткани из которой лезет плесневелая солома?

– Вот сейчас и посмотрим, – священник показывает раскаленное острие.

Словно сорвал капельку огня со свечи. Его дыхание почти тушит свечи. Орган под рясой уже не колышется, а дрожит мелкой дрожью. Людмила старается дышать в такт его дыханию, старается, чтобы груди вздымались и бурно опадали,

Красные глазки мало чем отличаются от раскаленного куска металла, но они уже впииваются в женщину, а клык шила пока что нет. Ноздри раздуваются как у быка, того и гляди шаркнет копытом.

– Ты успеешь проткнуть меня этой спицей, батюшка Николай. Может, сперва проткнешь меня кое-чем другим? Большим и сильным...

Людмила пытается говорить так, чтобы голос звучал бархатисто, обволакивающе. Мужчина возбужден до крайности и словами она добивает его. Канделябр уходит в угол. Священник выпрямляется и одним движением скидывает с себя рясу. Темные силы, да где же такое чудовище вырастили? Его огромный стержень торчит пеньком из болотного мха. Таким же можно орехи колоть!

– Давно я не трахал ведьм, – хмыкает священник, – успел немного подзабыть, как вы визжите и вертитесь. Напомни-ка мне, матушка...

Вот в этот момент Людмиле становится действительно страшно. Под рясой священника таились заросли густого черного волоса. Он мало чем уступал горилле не только по фигуре, но и по волосяному покрову.

Людмила испуганно вскрикивает и видит, как этот монстр улыбается. Тонкая струйка слюны стекает из отвислых губ на шею. Он забирается на тюфяк и резким толчком заполняет всю женскую полость. Людмила едва ли не наяву видит, как раздираются под напором внутренние органы. Прикусывает губу, а священник бьет женщину по щеке. Несильно, «расслабляюще». От «батюшки Николая» несет чесноком и укропом.

Толчки следуют один за другим. Он не стремится получить удовольствие, его желанием является причинить как можно больше боли. Он наблюдает.

Людмила заходится от крика. Кажется, что внутрь поместили раскаленную болванку и теперь вращают её, прижигая каждую клеточку. Священник улыбается. Хрипит и продолжает загонять свой агрегат.

– Как тебе, матушка? Не очень слабенько? Могу и посильнее.

Он может сильнее... Он делает сильнее...

Людмила уже не может кричать, лишь слабые стоны срываются с губ. Он пытается вбить женщину в тонкий тюфяк, продавить сквозь камень. Но вместе с тем Людмила чувствует, как гориллообразный священник начинает напрягаться. Неужели финал близок? Неужели эта пытка скоро закончится?

– Прими мое семя! Прими благословение Божие! Прими свою смерть! – гортанно выкрикивает священник и в это время к нему приходит оргазм.

Людмила ощущает, как её заполняет обжигающая влага, как соль обжигает порванную ткань... Ведьма видит, как священник поднимает руку с закопченной спицей шила, прицеливается на левую грудь и резко опускает кулак.

Пояс Ларинджины

Благодарю вас, Темные силы, что даровали мне возможность научиться бороться против стали. Без неё отправилась бы черная душа вашей слуги в преисподнюю со скоростью вылетевшей пули.

Надо было видеть досаду на роже священника, когда шило в его руках с дзиньканьем переломилось. Это сняло часть боли от его мясного оружия.

– Перегрел, что ли? – удивленно смотрит священник на обломок в руке.

Людмила молчит. Ну не будет же объяснять этому мохнатому уроду, что всё дело в креме из книги Альториса. Да уж, обычной сталью её не взять... Вот только не везде можно намазать...

– Повезло тебе, мать-абатесса, – сплевывает отец Николай и слезает с Людмилы. – Значит, выторговал дьявол тебе ещё один день. Ну да ничего, я завтра снова приду, попробую ведьминского отродья ещё разочек. Ох, грехи наши тяжкие. Соблазн велик и сладок. Ладно, за тебя лишнюю службу отстою, матушка.

Пока он произносит эту тираду, то успеваает спрятать волосатое тело под рясой. Тень от свечей снова пляшет и причудливо рисует кошмарного нетопыря на стене. Мохнатое чудище с опавшей корягой между ног превращается в обычного хмурого священника.

– Ты это, если надумаешь орать, то ори. Не тревожься – никого не разбудишь. Подвал-от у меня глубоко спрятан, за семью дверьми запечатан. Так что можешь орать сколько заблагорассудится. До завтра, ведьма, – он берет в руки канделябр и выходит прочь. Дверь снова оставляет Людмилу в темноте.

Скорее всего, священник прав и темный господин сумел мне подарить ещё один день жизни.

А вдобавок бросил обломок шила в правую ладонь. Теперь появляется шанс на освобождение. Шанс мизерный, зыбкий, но отказываться от него Людмила не собирается. Не затем она столько вытерпела, чтобы сдохнуть в подвале какого-то деревенского священника. Пусть он и является храмовником с Истинным взором.

Звяканье цепей действует на нервы. Людмила старается подцепить язычок на кандалах. Всё-таки священник оказался не таким уж приверженцем старины, чтобы клепать широкие браслеты. Нет, тут есть отверстие и онемевшими пальцами Людмила пытается нащупать слабое место. Обломок пару раз пытается выскользнуть из рук, заставляет замереть от испуга. Но останавливаться нельзя. Нельзя.

Темнота давит. Тишина такая, что удары сердца отзываются в ушах набатом.

В отверстии кандалов железно крикает...

Рука на свободе! Пусть левая, но сотворить знак Непротивления Людмила уже в состоянии. Это поможет задержать священника, если он сейчас вздумает войти. Да, у Людмилы есть ещё время, но лучше поторопиться. С голыми руками против храмовника она вряд ли выстоит.

После освобождения правой руки дело движется быстрее. С ногами же приходится помучаться – замки кандалов оказываются хитрее.

Разрыв-трава? Ключ Благословения? Нет, всего лишь обломок шила в скользких от пота пальцах. Людмила вытерла испарину ладонью, и теперь железка пытается вырваться и укатиться куда-нибудь подальше. Если Людмила позволит ей это сделать, то снова окажется в главной роли порнофильма. Да-да, того самого «одобренного святой комиссией», где в конце ведьму убивают. Очень не хочется. До зубовного скрежета, до ломоты в суставах, до нытья на левой груди.

Рано или поздно, но храмовник догадается, что обычной сталью Людмилу не взять. Что будет тогда... даже страшно представить. Вряд ли он сдаст Святой Инквизиции, по крайней

мере живой. Скорее замучает и предоставит труп вместе с остальными вещдоками. Павлу Геннадьевичу сразу узнает свою бумагу с кофейным пятном. А после обыск в квартире, изъятие и прощай труд всей жизни и бесценные ведьминские артефакты.

Всё, кандалы с ног сняты, Людмилы пытается встать и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.